

Посвящается Хейден, Джо и Нэне

WHY WOMEN HAVE BETTER SEX UNDER SOCIALISM

AND OTHER ARGUMENTS FOR ECONOMIC INDEPENDENCE

Kristen R. Ghodsee

КРИСТЕН ГОДСИ

ПОЧЕМУ У ЖЕНЩИН ПРИ

**Аргументы в пользу
экономической независимости**

СОЦИАЛИЗМЕ СЕКС ЛУЧШЕ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2020

УДК 316.346.2-055.2
ББК 60.561.2
Г59

Переводчик Наталья Колпакова
Редактор Юлия Быстрова

Годси К.

Г59 Почему у женщин при социализме секс лучше. Аргументы в пользу экономической независимости / Кристен Годси; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — 218 с.

ISBN 978-5-00139-157-9

Профессор Пенсильванского университета, автор семи книг Кристен Годси объясняет, почему триумф капитализма в странах первого и второго мира не стал выходом для большинства женщин. Она мастерски развенчивает устойчивые мифы о том, что в условиях свободного рынка у женщин больше возможностей достичь карьерных высот и экономической независимости, внутреннего равновесия и личного счастья. На множестве примеров Кристен Годси показывает, как, дискриминируя женщин, капитализм во всем обделяет их — от физических радостей до интеллектуальной самореализации — и использует в интересах процветания тех, кто уже находится на вершине экономической пирамиды. Несмотря на крах и идейную дискредитацию социализма в странах Восточной Европы, Годси убеждена, что многие элементы социалистической экономики способны обеспечить женщине условия для развития и полноправного труда, здоровое распределение сил между работой и семьей и в конечном итоге гармоничные и насыщенные сексуальные отношения.

УДК 316.346.2-055.2
ББК 60.561.2

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-157-9 (рус.)
ISBN 78-1-56858-890-2 (англ.)

© Kristen R. Ghodsee, 2018
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	7
Введение. Возможно, вы жертва капитализма	13
1 Как мужчины, но дешевле: женщины на работе.....	35
2 Чего ждать от ожидаемой эксплуатации: женщины в материнстве	57
3 Брючного костюма мало: женщины в кресле руководителя.....	83
4 Капитализм в постели: женщины в сексуальных отношениях (часть I)	111
5 Каждой по потребностям: женщины в сексуальных отношениях (часть II).....	131
6 С баррикад к избирательным урнам: женщины и гражданственность.....	157
Рекомендованная литература	177
Благодарности.....	185
Примечания.....	189
Предметно-именной указатель.....	211

Елена Лагадинова (справа, с Анджелой Дэвис) (1930–2017): самая молодая партизанка, сражавшаяся против болгарской монархии — союзницы нацистов — во время Второй мировой войны. Она получила докторскую степень в области агробиологии и, прежде чем стать президентом Комитета движения болгарских женщин, занималась научными исследованиями. Лагадинова возглавляла болгарскую делегацию на Первой Всемирной конференции ООН по положению женщин в 1975 г. Поскольку свободный рынок дискриминирует тех, кто вынашивает и рождает детей, Лагадинова была убеждена, что только государственное участие способно поддержать женщин в их двойной роли работниц и матерей. Публикуется с разрешения Елены Лагадиновой.

ОТ АВТОРА

Последние 20 лет я изучаю социальные последствия политического и экономического перехода от государственного социализма к капитализму в Восточной Европе. Свою первую поездку по этому региону я совершила еще в 1989 г., через несколько месяцев после падения Берлинской стены, но мой профессиональный интерес возник в 1997 г., когда я начала исследовать то, чем стал крах коммунистической идеологии для рядовых граждан. Сначала в процессе написания докторской диссертации, затем в качестве профессора университета я более трех лет прожила в Болгарии и 19 месяцев в Восточной и Западной Германии. Летом 1990 г. я два месяца путешествовала по Югославии, Румынии, Венгрии, Чехословакии и ГДР. За прошедшие годы часто бывала в Восточной Европе с лекциями, выступая в Белграде, Бухаресте, Будапеште и Варшаве. Я часто езжу на машине, в автобусах и на поездах и собственными глазами наблюдаю разрушительное воздействие неолиберального капитализма на эту территорию. Я вижу, как бесприютные пространства, обезображенные руинами некогда процветающих фабрик, уступают место новым пригородам с мегамаркетами, где продаются 42 вида шампуня. Мои исследования показали и то, что институт нерегулируемых свободных рынков в Восточной Европе вернул многих женщин в подчиненное положение, в экономическую зависимость от мужчин.

С 2004 г. я опубликовала шесть научных книг и более трех десятков статей и очерков на основе эмпирических данных из архивов и интервью, собранных в ходе масштабных этнографических изысканий в этом регионе. Опираясь на 20 с лишним лет исследований и преподавания, я написала эту книгу, чтобы познакомить с темой широкую публику, интересующуюся феминистскими теориями европейского социализма и уроками, которые можно извлечь из них сегодня. После неожиданно успеха Берни Сандерса на праймериз Демократической партии в 2016 г. социалистические идеи распространились среди американцев. Принципиально важно осмыслить прошлое, проанализировав и хорошее, и плохое. Я убеждена, что у государственного социализма есть весьма привлекательные особенности, из чего следует, что меня неизбежно обвинят в воспевании сталинизма. Злобные личностные выпады — реальность нашего политического климата, и я вижу иронию в том, что люди, заявляющие о своем неприятии тоталитаризма, без зазрения совести затыкают рот несогласным или устраивают истерики в «Твиттере». Роза Люксембург когда-то сказала: «Свобода — это всегда свобода для инакомыслящих». Смысл этой книги в том, чтобы научиться иначе мыслить о прошлом, когда главенствовал государственный социализм, о нашем неолиберально-капиталистическом настоящем и о пути к общему будущему.

На страницах этой книги я использую термины «государственный социализм» и «сторонник государственного социализма» применительно к государствам Восточной Европы и Советскому Союзу, где господствовали правящие коммунистические партии, а политические свободы были ограничены. Я пользуюсь терминами «демократический социализм» и «сторонник демократического социализма» в отношении стран, где на социалистических принципах стоят партии, конкурирующие на свободных и честных выборах, и где соблюдаются политические права. Хотя многие партии называют себя «коммунистическими», этот термин обозначает общественный идеал, в котором все экономи-

ческие активы находятся в коллективной собственности, а государство и закон отмерли. Ни в одном случае настоящий коммунизм построен не был, поэтому я стараюсь избегать этого термина, рассказывая о реально существующих государствах.

Что касается семантики, я также стремилась соблюсти тонкости современного междисциплинарного словоупотребления. Например, ведя в этой книге речь о «женщинах», я имею в виду прежде всего цисгендерных женщин. «Женский вопрос» в социализме XIX и XX вв. не учитывал уникальных потребностей трансгендерных женщин, но я не собираюсь исключать женщин-трансгендеров из обсуждения современности. Аналогично я признаю, что, ведя речь о материнстве, ограничиваюсь людьми, от рождения гендерно идентифицированными как женщины, но для простоты изложения пользуюсь термином «женщина», хотя эта категория включает и ряд людей, отнесенных при рождении к мужскому полу.

Поскольку эта книга является введением в тему, я не всегда погружаюсь во все детали дебатов о безусловном базовом доходе, извлечении стоимости или гендерных квотах. Особо отмечу, что, хотя убеждена в их абсолютной значимости, я не уделяю много внимания таким вопросам, как индивидуальное медицинское страхование или бесплатное государственное высшее образование, поскольку, на мой взгляд, они подробно рассматриваются повсеместно. Надеюсь, читатели стремятся больше узнать о темах, раскрываемых на этих страницах, и воспримут книгу как приглашение к дальнейшему изучению пересечений социализма и феминизма. Также хотела бы прояснить, что это не научный труд; если вас интересуют теоретические основы и методология, обратитесь к моим книгам, выходившим в университетских издательствах. Я также признаю долгую и важную традицию западного социалистического феминизма, хотя и не рассказываю о нем здесь. Советую интересующимся читателям обратиться к книгам из списка рекомендованной литературы.

Все приведенные цитаты и статистические данные я снабдила ссылками на источник в примечаниях к главам в конце книги. В тексте мало сносок с самостоятельным содержанием, и большинство читателей могут не обращать внимания на сноски, если только их не интересует источник той или иной цитаты. Материал общеисторического характера собран в разделе рекомендованной литературы. Описывая случаи с реальными людьми, я меняла их имена и индивидуализирующие признаки, чтобы сохранить анонимность.

Наконец, при множестве социальных болезней сегодняшнего дня некоторым читателям главы об интимных отношениях могут показаться слишком откровенными; возможно, кто-то считает, что желание улучшить свой секс — недостаточно веская причина для изменения экономической системы. Но включите телевизор, откройте журнал или пошарьте в интернете, и вы поймете, что мир одержим сексом. Капитализм с легкостью превращает сексуальность в товар и даже эксплуатирует нашу незащищенность в отношениях, чтобы продавать нам товары и услуги, в которых не нуждаемся. Неoliberalные идеологии убеждают нас воспринимать свое тело, заинтересованность и увлеченность как предмет купли и продажи. Я хочу изменить правила игры — в обсуждении секса высветить пороки ничем не ограниченного свободного рынка. Начав лучше понимать, как современная капиталистическая система присвоила и коммерциализировала базовые человеческие эмоции, мы сделаем первый шаг к отказу от рыночных оценок нашего фундаментального достоинства как представителей рода человеческого. Политическое значит личное.

Валентина Терешкова (1937 г.р.): первая женщина, побывавшая в космосе, Терешкова совершила 48 оборотов вокруг Земли в июле 1963 г. на корабле «Восток-6». Завершив карьеру космонавта, Терешкова стала видным политическим деятелем и возглавила советскую делегацию на Первой Всемирной конференции ООН по положению женщин в 1975 г. Она до сих пор почитается как национальная героиня в России. Публикуется с разрешения Елены Лагадиновой.

ВВЕДЕНИЕ

ВОЗМОЖНО, ВЫ ЖЕРТВА КАПИТАЛИЗМА

Посыл этой книги можно выразить лаконично: нерегулируемый капитализм плох для женщин, и, если мы воспримем некоторые идеи социализма, женщины будут жить лучше. Если все сделать правильно, социализм влечет за собой экономическую независимость, благоприятные условия труда, гармоничное распределение сил между работой и семьей и даже более качественный секс. Чтобы найти дорогу в такое завтра, нужно сделать выводы из ошибок прошлого, в том числе вдумчиво оценить историю государственного социализма в Восточной Европе XX в.

Если такая перспектива вас привлекает, давайте подумаем, что мы могли бы сделать, чтобы все изменить. Если вы не понимаете, почему капитализм как экономическая система несет женщинам один только вред, и не верите, что в социализме может быть хоть что-то хорошее, это короткое исследование раскроет вам глаза. Если вам плевать, как живут женщины, поскольку вы крайне правый интернет-тролль и женоненавистник, не тратьте деньги даром — эта книга не для вас.

Разумеется, можно возразить, что нерегулируемый капитализм — это отстой для *всех людей*, но я хочу сосредоточиться на непропорциональном ущербе, который он наносит женщинам. Конкурентные рынки труда дискриминируют тех, кто в силу своей репродуктивной биологии отвечает за деторождение. Сегодня это люди, получающие в роддоме розовую шапочку и букву Ж рядом с именем в свидетельстве о рождении (словно мы проиграли уже на старте просто потому, что не явились в этот мир мальчиками). Конкурентные рынки труда обесценивают и тех, на кого возлагается основное бремя заботы о детях. Хотя социальная позиция в этом отношении изменилась, большинство из нас до сих пор убеждены, что мама нужна маленькому человечку несопоставимо больше, чем папа, — по крайней мере, до тех пор, пока ребенок не подрастет настолько, чтобы играть в футбол.

Кто-то, возможно, заявит, что нерегулируемый капитализм плох *не для всех* женщин. Действительно, к женщинам, кому посчастливилось оказаться на вершине пирамиды распределения доходов, система весьма благосклонна. Хотя женщины на руководящем уровне до сих пор сталкиваются с гендерным разрывом в оплате труда и непропорционально мало представлены среди руководителей, в целом ситуация для таких, как Шерил Сэндберг*, складывается неплохо. Конечно, сексуальные домогательства все еще препятствуют прогрессу даже тех, кто сумел достичь вершины, и очень многие женщины убеждены: если хочешь играть с большими дядями, терпи и закрывай глаза на нежелательные ухаживания. Раса также играет важную роль — белые женщины гораздо более успешны, чем цветные. Однако, если рассматривать общество в целом, женщины нахо-

* Шерил Сэндберг — американская предпринимательница, главный операционный директор в Facebook с 2008 г., с июня 2012 г. — член совета директоров компании. Ранее — вице-президент по международным веб-продажам и операциям в Google, директор по персоналу Министерства финансов США. В 2012 г. вошла в Time 100 — список наиболее влиятельных людей мира по версии журнала Time. — Прим. ред.

дятся в сравнительно худшем положении в странах, где рынки менее стеснены регулированием, налогообложением и наличием государственных предприятий, чем там, где государственные доходы обеспечивают более высокий уровень перераспределения и более широкую систему социальной защиты.

Обратитесь к любому источнику данных и увидите одну и ту же картину. Безработица и бедность — проклятие женщин с детьми. Работодатели дискриминируют женщин, не имеющих детей, поскольку те могут обзавестись ими. В Соединенных Штатах в 2013 г. женщины старше 65 лет оказывались бедными значительно чаще мужчин и преобладали в категории «крайняя бедность». Во всем мире женщины сильнее страдают от экономических лишений. Женщины — последние, кого нанимают на работу, и первые, кого увольняют при спадах; если же они находят работу, то платят им меньше, чем мужчинам. Когда государствам надо срезать бюджетные расходы на образование, здравоохранение или пенсии престарелым, то матери, дочери, сестры и жены вынуждены закрывать брешь, бросив свои силы на заботы о малых, старых и больных. Капитализм процветает на неоплачиваемом домашнем труде женщин, поскольку женский труд по уходу и лечению позволяет снижать налоги. Чем ниже налоги, тем выше прибыль тех, кто и так наверху лестницы доходов — то есть мужчин¹.

Капитализм не всегда был настолько бесчеловечным. На протяжении большей части XX в. само существование государственного социализма сдерживало злоупотребления свободного рынка. Угроза, которую представляла собой марксистская идеология, заставила правительства западных стран расширить систему социальной защиты, обезопасив работников от непредсказуемых, но неизбежных подъемов и спадов капиталистической экономики. После падения Берлинской стены многие радовались триумфу Запада, выбросившего социалистические идеи на свалку истории. Однако при всех своих недостатках государственный социализм служил для капитализма необходи-

мым контрастом. Он отвечал за глобальный дискурс социальных и экономических прав — дискурс, привлекавший не только прогрессивные слои в Африке, Азии и Латинской Америке, но и многих мужчин и женщин в Западной Европе и Северной Америке. Именно поэтому политики пошли на улучшение условий труда наемных работников, запустили социальные программы для детей, бедных, престарелых, больных и инвалидов, ослабив эксплуатацию и снизив неравенство в доходах. После краха социализма капитализм сбросил ограничения рыночного регулирования и перераспределения доходов. Стоило исчезнуть угрозе со стороны противницы-сверхдержавы, и последние 30 лет всемирного неолиберализма стали временем стремительного усыхания социальных программ, которые защищали граждан от циклической нестабильности и финансовых кризисов и нивелировали огромный разрыв в распределении доходов.

Весь XX в. западные капиталистические страны старались превзойти страны Восточной Европы и в отношении прав женщин, что питало прогрессивные социальные изменения. Например, сторонники государственного социализма в СССР и Восточной Европе достигли таких успехов в предоставлении женщинам экономических возможностей вне дома, что поначалу, на протяжении двух десятилетий после окончания Второй мировой войны, работа женщин по найму ассоциировалась с ужасами коммунизма. Американский образ жизни предполагал, что мужчина обеспечивает семью, а женщина занимается домом. Постепенно, однако, социализм ушел в отрыв от эмансипации женщин, и идеал в духе сериала «Предоставьте это Биверу» (*Leave It to Beaver*, 1957) несколько поблек. Запуск советского спутника в космос в 1957 г. заставил американских лидеров пересмотреть свои взгляды на сохранение традиционных гендерных ролей. Их испугало преимущество социалистических стран в технологическом развитии, достигнутое двойной силой интеллекта их граждан: русские дали образование женщинам и ориентировали самых лучших и талантливых на научные исследования².

Боясь превосходства Восточного блока в космической гонке, американское правительство в 1958 г. приняло Закон об образовании в целях национальной обороны (National Defense Education Act, NDEA). Несмотря на сохраняющееся желание женщин оставаться дома и зависеть от мужей, NDEA дал талантливым девушкам возможность изучать естественные науки и математику. В 1961 г. президент Джон Кеннеди подписал Указ № 10980 об организации первой президентской комиссии по изучению положения женщин в интересах государственной безопасности. Комиссия, возглавленная Элеонорой Рузвельт, заложила основы будущего женского движения в США. Следующее потрясение американцы испытали в 1963 г., когда Валентина Терешкова стала первой женщиной-космонавтом, проведя на земной орбите больше времени, чем все американские астронавты-мужчины вместе взятые. В дальнейшем господство Советского Союза и стран Восточной Европы на Олимпийских играх спровоцировало принятие закона, позволившего Соединенным Штатам выявлять и тренировать больше спортсменов, чтобы отобрать золотые медали у идеологического врага³.

Научные достижения в социалистических странах побудили американское правительство профинансировать важное исследование «Женщины в советской экономике». Руководитель исследования посетил СССР в 1955, 1962 и 1965 гг., чтобы изучить советскую политику интеграции женщин в трудовую жизнь в качестве образца для американских законодателей. «Обеспокоенность последних лет из-за растрачиваемых способностей женщин привела к созданию президентской комиссии по изучению их положения, которая опубликовала серию докладов по разным проблемам, влияющим на женщин и их участие в экономической, политической и социальной жизни, — говорилось в начале доклада 1966 г. — Чтобы лучше использовать возможности наших женщин, важно познакомиться с иностранным опытом женского участия в труде. И здесь советский опыт особенно интересен». Прецедент, созданный восточноевропейскими социалистическими

странами, стал для американских политиков авторитетным примером в исторический момент, когда Бетти Фридан* опубликовала книгу «Загадка женственности»** и показала, насколько белые женщины из среднего класса не удовлетворены своей ограниченной домашней жизнью. В современном политическом климате, пожалуй, трудно постичь, что соперничество сверхдержав могло вылиться в интерес к положению женщин⁴.

Сегодня социалистические идеи переживают возрождение, а молодежь Соединенных Штатов, Франции, Великобритании, Греции и Германии вдохновляется такими политиками, как Берни Сандерс, Жан-Люк Меланшон, Джереми Корбин, Янис Варуфакис и Сара Вагенкнехт. Граждане мечтают о другом политическом пути, ведущем в эгалитарное и устойчивое будущее. Чтобы двигаться вперед, мы должны научиться обсуждать прошлое без обеления или очернения как собственной истории, так и достижений государственного социализма. С одной стороны, любое детализированное описание социализма XX в. неизбежно столкнется с бурей возмущения со стороны тех, кто утверждает, что это было чистое зло. Как заметил чешский писатель Милан Кундера в знаменитом романе «Невыносимая легкость бытия»: «Однако те, кто борется против так называемых тоталитарных режимов, едва ли могут бороться вопросами и сомнениями. Им тоже нужны уверенность и простые истины, которые были бы доступны как можно большему числу людей и вызывали бы коллективные слезы»***⁵. С другой стороны, некоторые

* Бетти Фридан (Бетти Наоми Гольдштейн; 1921–2006) — лидер американского феминизма, создательница и президент Национальной организации женщин США. — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

** Фридан Б. Загадка женственности. — М.: Прогресс, 1993.

*** Кундера М. Невыносимая легкость бытия. — СПб.: Азбука-классика, 2002.

молодые люди сегодня полушутя призывают «полный коммунизм прямо сейчас». Левые миллениалы, возможно, не знают (или предпочитают не знать) о реальных ужасах, совершаемых в отношении граждан стран с однопартийной системой. Жуткие истории о секретной полиции, невозможность путешествовать, нехватка потребительских товаров и трудовые лагеря не просто антикоммунистическая пропаганда. Наше коллективное будущее зависит от взвешенного изучения прошлого, чтобы мы могли отбросить плохое и пойти вперед, вооружившись хорошим, особенно в том, что касается прав женщин.

С середины XIX в. европейские социологи утверждали, что женский пол находится в беспрецедентно невыигрышном положении в экономической системе, ставящей прибыль и частную собственность выше человека. На протяжении 1970-х гг. социалистки-феминистки США также пришли к выводу, что уничтожить патриархат недостаточно. Эксплуатация и неравенство сохранятся до тех пор, пока финансовая элита паразитирует на покорных женщинах, бесплатно поставляющих рабочую силу. Однако эта ранняя критика основывалась на абстрактных теориях при недостатке эмпирических свидетельств. Очень постепенно, на всем протяжении первой половины XX в., новые правительства стран демократического социализма и государственного социализма в Европе проверяли эти теории на практике. Политические лидеры Восточной Германии, Скандинавии, Советского Союза и Восточной Европы поддерживали идею эмансипации женщин путем их полного включения в рабочую силу. Скоро эти идеи проникли в Китай, на Кубу и во множество только что обретших независимость стран по всему миру. Эксперименты с экономической независимостью женщин питали женское движение XX в. и революционизировали сферу жизненного выбора женщин, прежде ограниченного домашними заботами. Нигде в мире не было столько трудящихся женщин, сколько в социалистических странах⁶.

Эмансипация женщин вдохновила идеологию практически всех социалистических стран. Франко-русская революционерка Инесса Арманд произнесла ставшие знаменитыми слова: «Если освобождение женщин немислимо без коммунизма, то коммунизм немислим без освобождения женщин». Хотя между странами наблюдались важные различия, и ни одна на практике не достигла полного равенства, эти государства действительно вложили огромные средства в образование и обучение женщин и их продвижение в профессии, где прежде господствовали мужчины. Понимая требования репродуктивной биологии, они также старались социализировать домашний труд и воспитание детей, создав сеть государственных яслей, детских садов, прачечных и кафе. Длительные декретные отпуска с сохранением рабочего места и льготы на детей позволили женщинам обрести по крайней мере подобие баланса между работой и семьей. Более того, государственный социализм XX в. улучшил материальные условия миллионов женщин; материнская и младенческая смертность снизились, увеличилась продолжительность жизни, практически исчезла неграмотность. Приведу лишь один пример. Большинство албанских женщин были неграмотны до принятия социализма в 1945 г. Всего через десять лет все население страны моложе 40 лет умело читать и писать, а к 1980-м гг. половину студентов албанских университетов составляли женщины⁷.

Каждая страна следовала собственной политике, но в общем социалистические правительства уменьшили экономическую зависимость женщины от мужчины, сделав мужчин и женщин равноправными получателями услуг социалистического государства. Эти меры помогли отвязать любовь и интимные отношения от экономических соображений. Если женщины имеют собственный источник дохода, а государство гарантирует социальную защищенность в преклонном возрасте, в случае болезни или инвалидности, у женщин нет экономических оснований сохранять сопряженные с насилием, неудовлетворяющие

или по иной причине нездоровые отношения. В таких странах, как Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария, Югославия и Восточная Германия, экономическая независимость женщин вылилась в культуру, в которой личные отношения могли быть освобождены от влияния рынка. Женщинам не приходилось выходить замуж за деньги⁸.

Разумеется, как видно из опыта Восточной Европы, не следует игнорировать оборотную сторону. Права женщин в странах Восточного блока не включали заботу об однополых парах и носителях гендерной неконформности. Аборт являлся основным способом регулирования рождаемости в странах, где его можно было сделать по собственному желанию. Большинство государств Восточной Европы активно подталкивало женщин к материнству; в Румынии, Албании и сталинском СССР женщин вынуждали сохранять нежеланных детей. Правительства в социалистических государствах подавляли обсуждение проблем сексуальных домогательств, домашнего насилия и изнасилований. Кроме того, несмотря на старания вовлечь мужчин в работу по дому и уход за детьми, мужчины противились этому. Многие женщины испытывали двойной гнет обязательного официального трудоустройства и домашних забот, что превосходно описано в блестящей повести Натальи Баранской «Неделя как неделя». Наконец, ни в одной стране права женщин не продвигались как проект в поддержку женского индивидуализма или самореализации. Вместо этого государство поддерживало женщин как работников и матерей, чтобы они могли полнее участвовать в коллективной жизни страны⁹.

После падения Берлинской стены в 1989 г. новые демократические правительства быстро приватизировали государственные активы и демонтировали системы государственной социальной поддержки. Мужчины в этих новорожденных экономиках сохранили свою «естественную» роль главы семьи, а женщинам предлагалось вернуться в дом в качестве матерей и жен на обеспечение мужей. По всей Восточной Европе нацио-

налисты после 1989 г. утверждали, что капиталистическая конкуренция освободит женщин от приснопамятного двойного бремени и восстановит семейную и общественную гармонию, позволив мужчинам вернуть свою маскулинную власть в качестве кормильцев. Однако это означало, что мужчины вернули финансовый контроль над женщинами. Например, знаменитый историк-сексолог Дагмар Херцог в конце 2006 г. переговорила с рядом мужчин в возрасте около 50 лет из Восточной Германии. По их словам, их очень раздражало, что женщины Восточной Германии имели такую сексуальную самостоятельность и экономическую независимость. «Деньги были бесценны. Несколько лишних восточногерманских марок, которые мог заработать доктор по сравнению, скажем, с артистом театра, абсолютно ничего не давали, объясняли они, в соблазнении или удержании женщины, как это позволяла зарплата врача на Западе. “Нужно было быть интересным”. Какая досада! “Сейчас, в объединенной Германии, у меня как у мужчины гораздо больше власти, чем когда-либо было в эпоху коммунизма”, — признался один из восточных немцев». Более того, после публикации моей колонки в *The New York Times* «Почему женщины при социализме имеют лучший секс» я дала интервью Дагу Хенвуду в его радиопрограмме *Behind the News*. Одна слушательница, 46-летняя женщина, родившаяся в Советском Союзе, прислала на адрес шоу электронное письмо, где писала, что я «попала в точку» в своем рассмотрении романтических отношений в «прежней стране», в ее терминологии, «а также в том, как мужчины властвуют над женщинами с помощью денег здесь [в Соединенных Штатах]»¹⁰.

Крах государственного социализма в 1989 г. создал идеальную лабораторию для изучения влияния капитализма на жизнь женщин. Мир мог наблюдать за тем, как вместо плановой экономики рубля возникли свободные рынки и как это сказывалось на различных категориях работников. После десятилетий дефицита жители Восточной Европы с готовностью променяли

авторитаризм на обещание демократии и экономического благополучия, открыв свои страны для западного капитала и международной торговли. Однако обнаружились непредвиденные издержки.

Уничтожение однопартийного государства и принятие политических свобод оказалось неразрывно связано с экономическим неолиберализмом. Новые демократические правительства приватизировали государственные предприятия, расчищая место для конкурентных рынков труда, где производительность определяла бы заработную плату. Ушли в прошлое длинные очереди за туалетной бумагой и покупка джинсов на черном рынке. Впереди замаячил великолепный потребительский рай без дефицита, голода, тайной полиции и трудовых лагерей. Однако по прошествии почти трех десятилетий многие жители Восточной Европы все еще ждут блестящего капиталистического будущего. Остальные оставили всякую надежду¹¹.

Данные неоспоримы: как и великое множество женщин во всем мире, женщины Восточной Европы снова превращены в товар, который продается и покупается, — цена зависит от прихотливых изменений спроса и предложения. Сразу после краха государственного социализма хорватская журналистка Славенка Дракулич пояснила: «Мы живем в окружении новоявленных порношопов, порножурналов, пип-шоу, стрип-баров, безработицы и галопирующей бедности. Будапешт называют “городом любви, Бангкоком Восточной Европы”. Румынские женщины отдаются за один доллар на румыно-югославской границе. В этих условиях наши националистические правительства угрожают отнять у нас право на аборт и требуют, чтобы мы плодились, чтобы рожали еще поляков, венгров, чехов, хорватов, словаков». Сегодня русские невесты по переписке, украинские работницы секс-индустрии, молдавские няни и польские горничные наводняют Западную Европу. Посредники сбывают белокурые косы нищих белорусских подростков нью-йоркским изготовителям париков. Прага — эпицентр европейской порно-

индустрии. Торговцы людьми наводняют улицы Софии, Бухареста и Кишинева девочками, мечтающими о благополучной жизни на Западе¹².

Восточноевропейские граждане старшего возраста вспоминают скромные радости и предсказуемость своей жизни до 1989 г.: бесплатное образование и здравоохранение, отсутствие страха потерять работу и остаться без средств. Анекдот, который рассказывают на многих языках Восточной Европы, иллюстрирует эти чувства.

Среди ночи женщина вскрикивает и выскакивает из постели с ужасом в глазах. Изумленный муж наблюдает, как она мчит в ванную и открывает аптечку, затем кидается в кухню и исследует содержимое холодильника. Наконец, она распаивает окно и осматривает улицу возле дома. Глубоко вздыхает и возвращается в постель.

— Что стряслось? — спрашивает муж.

— Мне приснился кошмар, — отвечает жена. — Снилось, будто у нас есть необходимые лекарства, холодильник забит продуктами, а на улице чисто и безопасно.

— Какой же это кошмар?

Женщина качает головой и содрогается.

— Я подумала, коммунисты вернулись к власти.

Опросы общественного мнения показывают, что многие граждане уверены, что до 1989 г., при авторитаризме, жили лучше. Хотя эти опросы могут свидетельствовать скорее о разочаровании настоящим, чем о желании вернуться в прошлое, они осложняют тоталитарный нарратив. Например, опрос случайной выборки из 1055 совершеннолетних румын в 2013 г. показал, что только треть считает, что жили хуже до 1989 г.: 44% сказали, что жили лучше, и 16% не заметили изменений. Эти результаты интересны и в отношении гендерного распределения: 47% женщин и лишь 42% мужчин считали государственный социа-

лизм лучшим строем для своей страны. Аналогично, если 36% мужчин заявили, что их жизнь по сравнению с 1989 г. улучшилась, только 31% женщин полагали, что при диктаторе Николае Чаушеску им жилось хуже, чем сейчас. И это в Румынии, одной из самых коррумпированных и деспотичных стран бывшего Восточного блока. Такие же результаты принесло исследование в Польше в 2011 г., а также опросы в восьми других бывших социалистических странах в 2009 г. Многие из граждан, имевших возможность жить при двух экономических системах, сегодня видят, что капитализм хуже социализма, от которого они когда-то с радостью отказались¹³.

Вернемся в Соединенные Штаты. Крах социализма в Восточной Европе ознаменовал начало триумфального шествия западного капитализма. Идеи «Великого общества»* по регулированию нашей экономики с целью роста благосостояния всех граждан, включая женщин, оказались в немилости. Приход так называемого Вашингтонского консенсуса (рожденного рейганомикой) означал приватизацию и сворачивание системы социального обеспечения во имя рыночной эффективности. На протяжении 1990-х и 2000-х гг. финансовый, транспортный и коммунальный секторы лишились госрегулирования. Мы приравняли свободу к свободному рынку. После мирового финансового кризиса 2008 г. экономические элиты перераспределили и без того скудные государственные бюджеты, урезав социальные программы и истратив деньги налогоплательщиков на спасение банкиров, ответственных за произошедшее. Акция «Захвати Уолл-стрит» привлекла внимание к структурному неравенству, но политики, как республиканцы, так и демократы, единодушно отвечали

* Great Society — набор программ, предлагавшихся или принятых в США по инициативе президента Линдона Джонсона в целях построения «Великого общества», в котором не будет бедности. — *Прим. ред.*

разгневанной общественности все тем же старым лозунгом: капитализму нет альтернативы.

Это ложь.

Консервативные рыцари холодной войны ответят на любую попытку уйти от примитивизации истории государственного социализма XX в. воплями о голоде и репрессиях сталинизма. В их воображении весь опыт социалистических стран сводится к стоянию людей в очередях за хлебом и доносам на соседей в тайную полицию. 70 лет в Советском Союзе и 45 лет в Восточной Европе тоталитарные лидеры, видимо, только и делали, что швыряли всех граждан до единого то в трудовые лагеря, то в тюрьмы. Если рождались дети, то не потому, что люди хотели создать семью, — нет, это Партия массово осеменяла население для выполнения установленных норм воспроизводства. Антикоммунисты отказываются признать важные различия социумов, принявших социализм, или воздать должное их многосторонним достижениям в науке, образовании, здравоохранении, культуре и спорте. В стереотипах, продвигаемых западными лидерами, государственный социализм — это неэффективная экономическая система и устрашающая красная угроза, противостояние которой требует миллиардов долларов налогоплательщиков. Как то и другое могло бы сосуществовать, непонятно.

Сегодня в Восточной Европе многочисленные исследовательские институты с западным финансированием изучают преступления коммунизма. В таких странах, как Венгрия, Болгария и Румыния (все это союзники Германии во Второй мировой войне), потомки нацистских коллаборационистов спешат выставить себя «жертвами коммунизма». Местные политики и экономическая элита, выигравшие от перехода к свободному рынку (особенно те, кто имел ранее национализированную собственность предков, возвращенную по реституции после 1989 г.), вступают в сговор с целью создания одного официального тоталитарного нарратива о прошлом. Например, после моей лекции в Вене в 2011 г. молодая болгарка из числа слушателей отправила мне

электронное письмо с благодарностью за смелость при обсуждении определенного позитивного наследия Тодора Живкова, руководителя Болгарии с 1954 по 1989 г.: «Никто [в Болгарии] не может говорить о ностальгии и болезненных проблемах переходного периода, не получив клеймо коммуниста, отрицателя преступлений правления Живкова. Важные вопросы, которые вы поднимаете, не представлены в дискурсе или в СМИ»¹⁴. В соседней Румынии литературовед Кости Рогозану подверг критике восточноевропейскую практику использования устрашающих рассказов о социалистическом прошлом для оправдания продолжающегося следования неолиберальным экономическим курсом в настоящем: «Вы хотите увеличения заработной платы? Вы коммунист. Хотите государственных услуг? Хотите, чтобы налогами облагали богатых, облегчив бремя мелких производителей и наемных работников? Вы коммунист и вы убили моих бабушку и дедушку. Хотите общественный транспорт вместо хайвеев? Вы мегакоммунист и [тупой] понтярщик»¹⁵.

Важно не романтизировать социалистическое прошлое, но уродливые реалии не должны вычеркнуть из нашей памяти идеалы ранних социалистов, разнообразные попытки реформировать систему изнутри (такие как Пражская весна, гласность или перестройка) или важную роль социалистических идей, вдохновивших национально-освободительные движения в странах третьего мира. Признание плохого не есть отрицание хорошего. Как находятся желающие выбелить историю Америки, заретушировав, для затравки, законы Джима Кроу*, государственный расизм, насилие с применением огнестрельного оружия или беспрецедентную долю заключенных, — есть и такие, кто чернит историю государственного социализма, утверждая, что все в нем было злом¹⁶.

* Неофициальное название законов о расовой сегрегации, действовавших в ряде штатов США с 1890 по 1964 г.; названы по имени комического персонажа, бедного неграмотного чернокожего.

Сегодня у нас за плечами больше двух столетий экспериментов с разными формами социализма, но слово «социализм» до сих пор сохраняет негативную окраску. Завывания о сталинском ГУЛАГе и голоде на Украине сопровождают любое упоминание о социалистических принципах. Оппоненты поносят социализм как экономическую систему, обреченную на провал и неизбежно ведущую к тоталитарному террору, игнорируя успешные демократические социалистические страны Скандинавии. Европа была полем битвы в годы холодной войны, и страны Северной Европы когда-то имели мощные национальные коммунистические и социалистические партии, которые участвовали в парламентском процессе и продвигали политику, гарантирующую перераспределение благ и социальное обеспечение. В 1990-х гг., когда Россия, Венгрия и Польша ликвидировали государственные активы и уничтожили свои системы социальной защиты, Дания, Швеция и Финляндия сохранили щедрые бюджетные расходы за счет государственного сектора и прогрессивного налогообложения, несмотря на всемирную моду на неолиберализм. Общества демократического социализма Северной Европы демонстрируют, что неолиберальному капитализму можно найти человечную альтернативу. Хотя они несовершенны и с трудом копируются — это этнически однородные страны, все более враждебные к иммигрантам, — они нашли способы сочетать политические свободы с социальными гарантиями.

Северная Европа не только самое счастливое место в мире, но и оазис для женщин, которые имеют большие экономические и политические возможности, чем где бы то ни было на планете. В блестящей статье для *Dissent* «Перераспределение-кайфолом: гуру пикапа в Дании» Кэти Бэйкер рассказывает, как американский плейбой Дарьюш Вализаде (Руш) предупредил своих фанатов, что Дания — унылая пустыня для охотников за доступными женщинами. Щедрая система социальной поддержки и политика гендерного выравнивания в этой стране, очевидно, делают приемы альфа-самцового соблазнения Вализаде бесполезными,

потому что датским женщинам не нужны мужчины как гаранты финансовой защищенности. В странах меньшего равенства женщины понимают, что сексуальные отношения обеспечивают возможность социальной мобильности — мечту Золушки. Однако, если женщины владеют собственными деньгами и живут в обществах, где государство поддерживает их независимость, прекрасный принц лишается притягательности. Книга Руша «Не трахай Данию» — доказательство того, что политика перераспределения обеспечивает женщинам стабильность и безопасность, которые нейтрализуют влияние дискриминации в повседневной жизни¹⁷.

Молодежь заново открывает идею, что демократические правительства способствуют созданию справедливой экономики. Сегодня корпорации и богачи заставляют политиков поддерживать их интересы путем финансирования избирательных кампаний и найма лоббистов: сокращение социального обеспечения бедных позволяет уменьшить налоги на богатых. Решение Верховного суда от 2010 г. по объединенному гражданскому иску против Федеральной избирательной комиссии укрепило убежденность в том, что деньги равны свободе высказывания, следовательно имеют право на защиту согласно Первой поправке*. Однако, пока Соединенные Штаты остаются представительной демократией, обычные люди могут голосовать за свои экономические интересы и выбирать лидеров, следующих политике перераспределения и социальных гарантий для всех. К 2020 г. миллениалы станут самой многочисленной демографической группой среди американских избирателей. Молодые женщины составляют половину численности миллениалов. Сделать расчеты несложно.

* В решении по этому делу, принятом минимальным большинством голосов, Верховный суд признал неконституционным ограничение корпоративного финансирования независимых политических передач.

Опрос «Гэллап» в июне 2015 г. показал, что на президентских выборах американцы от 18 до 29 лет больше готовы голосовать за кандидата-«социалиста», чем любая другая возрастная группа, и это было задолго до того, как набрала полную силу кампания Берни Сандерса на первичных выборах. Кроме того, в январе 2016 г. в ходе опроса YouGov американцам был задан вопрос: «Придерживаетесь ли вы благоприятного или неблагоприятного мнения о социализме?» Результаты показали резкое расхождение во взглядах между возрастными группами. В группе старше 65 лет 60% респондентов имели неблагоприятное мнение о социализме и только 23% отзывались о нем одобрительно. Среди людей от 30 до 64 лет около четверти опрошенных высказались о социализме положительно, но половина 30–44-летних и 54% 45–64-летних имели негативное мнение. Среди молодежи 18–29 лет лишь около четверти относились к социализму отрицательно. Впечатляющие 43% имели положительное мнение — больше, чем одобрявших капитализм в той же возрастной группе (32%)! Последующий опрос Фонда памяти жертв коммунизма в октябре 2017 г. обнаружил, что поддержка социализма среди молодежи продолжает усиливаться: «Начать с того, что на текущий год больше миллениалов предпочли бы жить в социалистической стране (44%), чем в капиталистической (42%). И даже в коммунистической стране (7%)! Доля миллениалов, предпочитающих социализм капитализму, на целых 10% выше, чем во всей популяции. Значение этих результатов невозможно переоценить — по данным за прошлый год миллениалы заменили беби-бумеров в качестве самой многочисленной когорты американского общества»¹⁸.

То же исследование обнаружило примечательные гендерные расхождения мнений — считают ли респонденты капитализм или социализм «предпочитаемым» или «не предпочитаемым». Среди 2300 опрошенных американцев женщины составляли 51%, и их мнения часто существенно отличались от взглядов мужчин. На вопрос, питают ли они симпатию к капитализму как к экономической системе, согласием ответили 56% опро-